

Давай не будем уходить

Мама никогда меня не любила. Я не знала материнской нежности, заботы, не ощущала поддержки — вместо этого упреки, холод и равнодушие. Она бросила нас с отцом на мой семнадцатый день рождения. Но судьба оказалась ко мне благосклонной: потеряв мать, я в то же время обрела подругу. Тина стала для меня самым близким человеком. Она дала мне то, что я всегда мечтала получить от мамы. А еще у Тины есть брат Даня. И у нас с ним все взаимно. Втроем мы стали неразлучны. И все было бы замечательно, если бы не Олег, мужчина Тины, циничный хищник. Я вижу, как он манипулирует моей подругой, но никак не могу повлиять на это. Если бы только я знала, что скоро потеряю самого близкого человека...

Евгения Багмуцкая

Давай

не будем уходить

Евгения Багмуцкая

Давай

не будем уходить

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

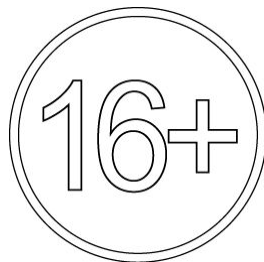

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8756-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

В оформлении обложки использованы фотографии *Марины Половинкиной*

Мама ніколи мене не любила. Я не знала материнської ніжності, турботи, не відчувала підтримки — замість цього закиди, холод і байдужість. Вона кинула нас з батьком на мій сімнадцятий день народження. Але доля виявилася до мене прихильною: втративши матір, я в той же час знайшла подругу. Тіна стала для мене найближчою людиною. Вона дала мені те, що я завжди мріяла отримати від мами. А ще в Тіні є брат Даня. І у нас з ним все взаємно. Утрох ми стали нерозлучні. І все було б чудово, якби не Олег, чоловік Тіни, цинічний хижак із тілом спокусника. Я бачу, як він маніпулює моєю подругою, але ніяк не можу вплинути на це. Якби тільки я знала, що незабаром втрачу найближчу людину...

Багмуцкая Е.

Б14 Давай не будем уходить : роман / Евгения Багмуцкая. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 304 с.

ISBN 978-617-12-8615-3

Мама никогда меня не любила. Я не знала материнской нежности, заботы, не ощущала поддержки — вместо этого упреки, холод и равнодушие. Она бросила нас с отцом на мой семнадцатый день рождения. Но судьба оказалась ко мне благосклонной: потеряв мать, я в то же время обрела подругу. Тина стала для меня самым близким человеком.

Она дала мне то, что я всегда мечтала получить от мамы. А еще у Тины есть брат Даня. И у нас с ним все взаимно. Втроем мы стали неразлучны. И все было бы замечательно, если бы не Олег, мужчина Тины, циничный хищник с телом искусителя. Я вижу, как он манипулирует моей подругой, но никак не могу повлиять на это. Если бы только я знала, что скоро потеряю самого близкого человека...

УДК 821.161.1(477)

© Багмуцкая Е. Ю., 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

I am good, I am grounded
Davy says that I look taller
I can't get my head around it
I keep feeling smaller and smaller
I need my girl
I need my girl.
У меня все хорошо, я обрел почву под ногами.
Дейви говорит, что я стал выше,
Но у меня это в голове не укладывается,
Ведь я чувствую себя все меньше.
Мне нужна моя девочка,
Мне нужна моя девочка.

Композиция «I Need My Girl» группы The National

Пролог

Машина заехала на кладбище и тут же, сразу за воротами, остановилась. Прежде чем выйти из нее, я сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Словно боялась, что, как только я потяну за блестящую хромированную ручку, тотчас же хлынет вода, заполняя каждый уголок салона, и я захлебнусь. От страха я зажмурилась и открыла дверь. Ничего не произошло. И это было самым мучительным. Она умерла, ее больше нет, но вокруг ничего не случилось. Ни всемирного потопа, ни землетрясения, ни какого-нибудь крохотного апокалипсиса. Жизнь продолжалась.

Я шла, и снег под ногами хрустел, словно ковер из маленьких иссушенных косточек. Вокруг не было ни души — ну если верить, что после смерти души покидают наши тела, — и на несколько секунд я по-детски наивно, с трепетной надеждой подумала: что, если все это всего лишь чья-то глупая шутка? что, если она осталась жива и никаких похорон сегодня не будет?

Но спустя миг в самом конце тропинки я разглядела чернильное пятно из слившихся воедино человеческих фигур. Надежда рухнула. Она там, с ними. Я подходила все ближе и ближе и тут увидела, как над головами скопившихся людей взлетают рыжие кудри, беспокойно мечась туда-сюда, словно их хозяин кого-то искал в толпе. Он искал меня. И когда наши взгляды, наконец, встретились, он вмиг замер. Настала его очередь не дышать. Я подошла к нему совсем близко, и мы обнялись, ничего не говоря. Никто из нас не плакал. Какой в этом был смысл, если все уже кончено?

Все кончено, но она по-прежнему была мне нужна. Сильнее, чем когда-либо.

Глава 1

Я хорошо помню, что это был поезд. Две верхние полки в плацкарте — мама передает меня в руки отца. Мне было тогда два года.

Мое сознание включилось, как лампочка. Я просто проснулась, открыла глаза и впервые осмыслила свое существование. Было темно и душно. Гулкий ритмичный шум расходился вибрациями по телу. Меня передавали из одних рук в другие, а подо мной разверзлась черная пустота. Я заплакала.

«Тихо, тихо, — прошептал мужской голос, — спи, дочка».

«Дочка...» — Я покатала это маленькое словечко на языке, как сладкую бусину, и ощутила себя в безопасности.

Это было началом осознания самой себя.

И понеслось. Я росла, и все вокруг менялось с космической скоростью. Событий было столько, что я не все успевала их запоминать. Помню папу — он берет меня за большие пальцы рук, я встаю ножками на его ноги, карабкаюсь по нему, а затем делаю кувырок через голову, алле-гоп! Делать кувырки мне всегда весело, но каждый раз в конце нашей шумной игры я все равно ударяюсь о его коленку или локоть и плачу, и на мой плач прибегает рассерженная мама. Она отряхивает мои колени, вертит меня из стороны в сторону в поисках синяков и ушибов, но почему-то никогда меня не обнимет. Никогда. Так я почувствовала, кто мне нужен больше всего: тот, кто любит меня меньше всех.

Папу умиляло то, как я путаю правый ботинок с левым, как спотыкаюсь на каждом шагу, проливаю на себя суп, кладу пять ложек сахара в стакан с чаем, ем горбушку в постели, и все крошки потом остаются на простыне, царапая мне спину. То, как я хлопаю дверьми, как забываю помыть руки, как рву колготки, как плачу — навзрыд, громко, возмущенно, искренне, — все это нисколько не отталкивало его. Он был таким же, как и я: добрым, но нелепым и неуклюжим. А маму моя несуразность злила. Все это она исправила бы во мне безжалостно, если бы только могла. Вот почему я должна была стать

другой. Ради нее. Так у меня появилась цель. Так стало ясно, для чего я живу.

Когда мама приходила с работы, когда забирала меня из детского сада, я всегда неслась к ней так, как несется навстречу маленький глупый щенок. Она и смотрела на меня, как на щенка, грязного, непослушного, чересчур любвеобильного: «в чем ты измазалась?», «что у тебя с волосами?», «что это за колготки на тебе?», «не кричи, говори тише», «помолчи, я устала», «что тебе от меня нужно?»

А я всего-то хотела ухватиться за ее красивую шею и так висеть — долго, бесконечно долго, пока она не отцепит меня от себя своими длинными пальцами. Но она выпрямлялась во весь свой стометровый рост, и я никак не могла дотянуться до ее шеи, чтобы повиснуть на ней.

«Нужно вырасти, — думала я, — однажды я вырасту, и когда она придет, то удивится. Я схвачу ее за шею и обниму так сильно, что она наконец поймет, как сильно я ее люблю».

Первыми вытянулись руки — стали длиннее, цепче. Я приходила к ней в кровать по утрам, когда она еще очень крепко спала, и ложилась рядом, переплетала свои холодные ноги с ее, всегда горячими, и обвивала ее тело вытянувшимися руками, словно пытаюсь напомнить: это я, твоя дочь, я была в твоём теле, я росла в нём, и, если бы это от меня зависело, я бы даже не стала рождаться — так хорошо и безопасно мне было внутри. Она вздрагивала и еле сдерживала желание прогнать меня, по крайней мере поначалу. Но к шести годам на двери моей комнаты появился замок, и по утрам я послушно ждала, пока она выпустит меня. Я покорно шла вслед за ней на кухню, чтобы посмотреть на нее, когда она готовит завтрак, или ждала у дверей ванной, когда она, обмотав волосы полотенцем, выйдет оттуда, или наблюдала, как она красится, как расчесывает волосы, как выбирает одежду.

«Не стой над душой», — говорила она, раздражаясь от моего внимания.

«Представь, что я твоя тень, мама», — взывала я к ее снисхождению.

«Ты и есть моя маленькая назойливая тень», — отмахивалась она.

Я не обижалась, лишь липла к ней еще сильнее. Но однажды она ударила меня. Разозлилась и замахнулась. Этот миг — с момента, когда ее рука вдруг взлетела вверх, до обжигающей боли на моей щеке, —

казалось, длился вечность. Всю эту вечность я смотрела на нее и думала, что это, наверное, какая-то шутка, какая-то новая наша с ней игра, ведь не может же она просто так ударить меня. Но она ударила. Еще пару секунд я не ощущала ничего, а потом щека запылала. Я испуганно схватилась за нее, словно думала, что в силах остановить это жжение, словно, если держаться за пылающее место, боль тут же прекратится, не пронзит мое тело и не застынет невысказанной обидой внутри меня. И тут я увидела, как мама смягчилась.

«Прости», — прошептала она и выбежала из комнаты.

Еще несколько секунд я пыталась осознать произошедшее, а потом боль все же просочилась в самый низ живота, опустилась там грузом, и я заплакала. Тихо, внутри себя, будто пытаюсь растопить этот образовавшийся внутри камень. Но все было тщетно. Эти незримые слезы ничего не могли растопить, они лишь укрепляли зароненное в девственную почву зерно ненависти и давали ядовитому ростку пищу.

Больше она ни разу не просила у меня прощения. Ни тогда, когда хватала меня за руку и с силой швыряла в комнату, закрывая ее на замок. Ни тогда, когда била наотмашь по лицу за каждое слово, сказанное мною в непозволительном тоне. Ни тогда, когда я стояла на подоконнике поздней ночью и кричала ей в форточку: «Мама, не уходи!» А она уходила — невозмутимая, спокойная, потому что ей так хотелось, ей так было нужно, ей необходима была свобода от меня, а мне была необходима она.

Папа приходил ко мне и мягко, но настойчиво укладывал в постель, укрывал одеялом и гладил по руке, вечно обожженной маминой цепкой хваткой. И я делала вид, что засыпаю. Но стоило ему выйти из детской, как я начинала плакать — беззвучно, позволяя лишь части слез выходить из меня, остальные оставались внутри, разливаясь там целым океаном.

Я засыпала, и мне снилось, что она возвращается, садится на мою постель и гладит меня по голове: «Что ты, ну что ты, я же люблю тебя, глупенькая, маленькая. Дочка».

А утром я просыпалась с горьковатым привкусом во рту.

Она ушла в мой день рождения, первого августа. Проснувшись утром в день своего семнадцатилетия, я вышла на кухню и застала там

отца — плачущего, раздавленного, одинокого. Такого, каким он был все эти годы, но только я этого не видела, ведь я грезила лишь мамой. Перед отцом на столе лежала записка — короткая и сухая. В ней она просила прощения так, словно, живя с нами, делала нам одолжение. Она сообщала, что оставляет нас, что долго заботилась обо мне и об отце, но у нее есть своя жизнь, и она не хочет жертвовать ею ради нас. «Я тоже человек», — писала мама, и в этом был какой-то вызов, некий эмоциональный импульс, и я даже на секунду восхитилась этим ее запалом. Рядом, как издевка, лежал подарок мне от нее, обернутый в праздничную упаковку — в ту самую, в которую я недавно оборачивала подарок для нее, на ее день рождения. Я не стала его открывать — не смогла, просто зачем-то отнесла в комнату и положила на верхнюю полку платяного шкафа. Я чувствовала себя опустошенной. Больше у меня не было цели. Мама ушла, и мне стало некого завоевывать. Моя первая любовь отныне навсегда останется безответной. Я провалила самый первый в жизни экзамен — на любовь ко мне моей матери. Что ждало меня дальше?

Весь день я провела в своей комнате в полной темноте и тишине, не включая ни телефона, ни света, ни музыки. Я просто лежала на кровати и смотрела в потолок. В моей голове кадр за кадром пролетала вся моя совсем недолгая жизнь. В какой-то момент я уснула, а проснулась, когда уже стемнело. Отец спал. Мне же подошло праздновать свой день рождения и свою обретенную от безответной любви свободу.

Я оделась, тихо закрыла за собой дверь и вышла на улицу. Я прошла два квартала и зашла в случайный бар в подвальном помещении. Я села в углу, боясь разоблачения своего несовершеннолетия, и, когда официантка подошла ко мне, постаралась изо всех сил произнести как можно спокойнее и ничем не выдать навязчивого страха:

— Принесите, пожалуйста, бокал красного ламбруско.

Любимое мамино игристое вино. Я должна была выпить за нее. Она семнадцать лет прожила с нелюбимой дочерью и наконец-то смогла себе в этом признаться. В какой-то степени даже героический поступок.

— А тебе есть восемнадцать? — спросила официантка.

Я замешкалась. Если я отвечу «да», она может попросить предъявить документы, которых у меня нет. Если я отвечу «нет», то

мне не принесут алкоголь, а я пришла сюда за ним. Конечно, всегда можно заглянуть в домашний отцовский бар, но было в этом что-то детское, подростковое, а сегодня мне хотелось в полной мере почувствовать себя взрослой. Ведь сегодня я лишилась матери. Я смотрела на официантку. А та смотрела на меня. Так, словно мы играем в игру, кто дольше не отведет свой взгляд. Я ничего не хотела этим добиться, просто смотрела на нее и смиренно ждала, какое решение она примет. Я видела, как она хмурится, словно давно уже раскрыла мой маленький преступный замысел, но все еще не может решить, стоит ли ей вступать со мной в сговор.

— Девушка, пожалуйста, два бокала красного ламбруско, — вдруг произнес за моей спиной резкий, звучный женский голос, и не успела я обернуться, как моя спасительница оказалась рядом со мной на соседнем стуле.

— Эй, — повернулась ко мне незнакомка и улыбнулась, — давно ждешь? Прости, застряла в пробке в такси.

Официантка ухмыльнулась, развернулась и ушла к бару. Я, ошалеv, молчала и рассматривала ту, которая вдруг решила прийти мне на помощь.

— Тина, — снова улыбнулась она.

Вернее, она даже не прекращала улыбаться. Я легко представила, как с этой улыбкой она водит автомобиль, или моет посуду, или даже занимается сексом. Универсальная улыбка. Нужно выучить ее.

— Угу.

Она цокнула языком:

— Эй, тебя где воспитывали? Как твое имя, крошка?

— Александра, — выдохнула я, — Саша. Меня зовут Саша.

Глава 2

Сейчас я жалею, что не помню во всех подробностях тот вечер. Мне хотелось бы помнить, какой запах шел от ее волос, какой высоты были ее каблук, какие на ней были серьги, сколько стоило наше вино. Я хотела бы помнить каждую фразу, каждое слово, которое она тогда произнесла. Ведь этот вечер оказался самым важным в моей жизни. Самым, черт возьми, главным, ярким, решающим вечером. Я была ослеплена ею. Я не видела ничего, кроме ее губ. Не слышала ничего, кроме ее голоса и смеха. Все остальное представлялось таким незначительным.

До этого я никогда не влюблялась в женщин — чувство, которое переполняло меня на протяжении тех трех часов в шумном баре, не было похоже на мои влюбленности в мужчин. Это было нечто другое: я как будто влюблялась, не ощущая сексуального возбуждения, и мне это нравилось. Словно я встретила совершенного человека. Кого-то, кем сама захотела стать. В кого хотела перевоплотиться. Чью кожу натянула бы на себя. Дело было даже не в ее внешности. Хотя выглядела она так, словно ее специально слепили для того, чтобы все вокруг ощущали свою неполноценность: высокая, статная, на сильных длинных ногах, которые она не стеснялась откровенно демонстрировать. Ее прямая спина, острые плечи, тонкие руки, длинные пальцы — казалось, какой-то небесный портной использовал для этой фигуры наилучшие лекала. Но самым завораживающим в ней были волосы — копна рыжих кудрявых волос, доходивших до лопаток. Она встряхивала ими — и у меня каждый раз звенело в ушах.

Одного я не понимала: почему она битый час говорит со мной? Допустим, она выручила меня из жалости. Увидела девицу, такую брошенную, несчастную и упивающуюся жалостью к себе, поняла, что мне нужно сейчас выпить и излить душу, и снизошла. Мне было интересно, как долго она будет испытывать это сочувствие. Пока я не ощущала, что она остается со мной из-за снисхождения. Или мне хотелось так думать. Она говорила со мной так, словно приехала сюда ради меня, словно именно на встречу со мной она сегодня спешила, расчесывая пятерней кудри, и подводила глаза, и даже красила губы

вишневой помадой тоже ради меня. Лучший подарок на мой сегодняшний день рождения — красивая рыжая Тина.

Обычно незнакомцы начинают разговор с общих тем: имя, возраст, где учишься, чем увлекаешься, что любишь, куда ходишь, смотрела ли новый фильм Тарантино, как тебе новый альбом *Coldplay* — правда, совершенно бестолковый?.. Но Тина, после того как я назвала свое имя, задала вопрос совершенно иного порядка:

— Скажи, Саша, — она сделала глоток из бокала и улыбнулась правым уголком губ, — скажи мне как на духу, как открываются либо на исповеди, либо перед случайными попутчиками, ты когда-нибудь хотела убить человека?

— Да, — ответила я честно.

Она не удивилась или хорошо скрыла свое удивление: не усмехнулась, не рассмеялась, не покачала укоризненно головой — ничего такого. Лишь спокойно продолжила:

— И почему ты этого не сделала?

— Потому что, — так же прямо сказала я, — она — моя мать. Мне кажется, это было бы слишком.

Я до сих пор не знаю, почему в тот момент мне показалось, что Тина, совершенно чужая мне девушка, способна понять меня. Я просто это почувствовала: мы совпали, как части пазла, как зубчатые колесики в старинных часах. Совпали какими-то невидимыми частотами, идеально сошлись во времени и месте. Словно на эту встречу я шла все семнадцать лет, как и она — все свои сколько бы ей там ни было. Конечно, я не собиралась никого убивать, но я была уверена, что она понимает, о чем я. Я хотела убить свою любовь к матери — вот что мне действительно помогло бы.

— Замечательно, — расхохоталась она, — ты хочешь убить свою мать. Что ж, боюсь, ты не единственная. Ты знаешь, что большинство убийств в мире совершается ближайшими родственниками? Например, треть убитых женщин погибает от рук супругов, чуть меньше — от рук других членов семьи. И только потом уже идут сослуживцы, случайные знакомые и еще реже — маньяки. Так что если твоей матери и суждено умереть насильственной смертью, то, скорее всего, от руки ее мужа, любовника или от сидящей прямо передо мной симпатичной и безобидной с виду дочери.

Я промолчала. Мне совершенно не хотелось думать и говорить о матери и о ее предполагаемой смерти. Особенно в этот самый момент, когда, возможно, я завожу дружбу с очень важным человеком в моей жизни.

— Скажи, — спросила в свою очередь я, — тебе когда-нибудь казалось, что ты встретила родственную душу?

— Конечно, — ответила она серьезно, и я поняла, что мои ощущения не были обманчивыми, — вот прямо сейчас.

Мы проболтали еще около часа о всякой ерунде. Но не о том, что напрягает, заставляя натужно шутить или путаться в воспоминаниях, а о том, что может неразрывно связывать двух давно знакомых людей. А потом я допустила промах — отлучилась в туалет. Там, в его неприятном желтоватом освещении, я увидела свое лицо — серое, уставшее, в пятнах, высушенное прокуренным воздухом бара, немного отекавшее от недавних слез. Мокрой пятерней я попыталась немного пригладить волосы и жалко улыбнулась самой себе, удивившись, что эта космически красивая девушка все еще продолжает говорить со мной.

Когда я вернулась в бар, ее уже не было. Она рассчиталась за все, что мы выпили вместе (впрочем, я ограничилась двумя бокалами ламбруско, ведь и так была опьянена этой встречей), и ушла. Она воспользовалась этим маленьким перерывом, чтобы отделаться от меня, видимо, устав наконец от роли доброй старшей подруги. Дважды за день меня бросили женщины, одну из которых я любила, а во вторую по-настоящему влюбилась. Отличное семнадцатилетие!

На улице шел редкий противный дождь. Не дождь, а скорее теплая дождевая пыль. Я стояла под крыльцом и не знала, куда теперь деть себя, со вспоротой и оставленной душой и вывернутым наружу сердцем. Куда мне теперь идти, кого обнимать, кому расплакаться в плечо или рассмеяться в лицо? Я ничего о себе не понимала. Как можно прожить семнадцать лет и не завести ни одной подруги, которой можно было позвонить прямо сейчас, договориться о встрече и тут же приехать, поймав такси? Как можно за семнадцать лет повстречаться только с одним парнем? И то недолго, всего пару месяцев, за которые мы оба успели лишь подержаться за руки, а он — разве что побывать языком в моем рту и руками — под футболкой. Хотя в этом было что-то волнующее. Вернее, я понимала, что это

должно волновать, но не волновало. Потому что и мальчик был не тот, и я не та, и все было совершенно не так, как должно. Не было ни дрожи, ни обжигающего влечения — всего того, чего ждешь в семнадцать лет и вряд ли уже когда-нибудь после. Точно никогда. Вот почему так жаль упустить это сейчас, не попробовать, не успеть на этот поезд. Ведь через десять лет так трогательно влюбиться будет уже несвоевременно, когда нужно будет все по-другому, все по-взрослому.

— Алекс, — вдруг окликнул меня самый прекрасный на свете голос.

Я обернулась — меня ослепили фары такси. Никто прежде меня так не называл, но мне сразу же понравилась эта интерпретация моего имени. Словно я из какого-то чумового фильма о подростках, в котором они слушают виниловые пластинки, пьют отцовский скотч и раскуривают один косяк на троих. Я прищурилась и увидела, как ее рука машет мне, порхая, с переднего пассажирского сиденья: «Садись скорее, я устала тебя ждать».

И мы поехали по мокрому бульварно-нарядному городу в другой бар, битком набитый людьми. В глубине его она разыскала свою знакомую компанию и обняла каждого из приятелей, ни на миг не отпуская моей руки, а затем усадила в дальний угол дивана, примостившись рядом. Музыка была такой громкой, что все перекрикивали друг друга или кричали на ухо. Она приблизилась к моему лицу:

— Сумасшедший дом, правда? Ничего, что я тебя сюда привезла? Или у тебя были другие планы?

— У меня не было других планов, — ответила я, а потом добавила: — Но у меня сегодня день рождения.

— Ох, — округлила она глаза, — что же ты молчала?

— А что бы изменилось, если бы ты узнала?

— Я подарила бы тебе подарок.

— Мы знакомы с тобой два часа. С чего тебе дарить мне подарки или вот, например, везти в этот бар к своим друзьям?

— С того, что ты мне нравишься, а люди дарят подарки тем, кто им нравится.

— Ты меня совершенно не знаешь.

— Кое-что уже знаю.

— И что, например?

— Тебя зовут Саша. Сегодня тебе исполнилось семнадцать лет. Твоя мать от вас ушла, и ты ее за это ненавидишь. А к отцу, похоже, относишься чуть лучше, раз совсем о нем не говоришь. Ты только что поступила в университет. Кажется, на факультет английской филологии, верно? У тебя нет парня. Тебе не очень-то нравится твое тело, особенно ноги, поэтому ты обращаешь внимание на чужие, но прячешь свои. Еще мне кажется, что ты добрая, ранимая и страшно одинокая. Но ты мне нравишься вовсе не поэтому.

— А почему же?

— А черт его знает, Алекс. Разве для любви нужны какие-то причины? Ты просто нравишься мне. Ты честная и чувственная. Это привлекает.

Она назвала меня честной, а мне казалось, что я утопаю в своей лжи: не смотрю ей в глаза, боюсь признаться, что мне нравится в ней абсолютно все. И всю свою бесхитрость, которая во мне потому, что я не научилась скрывать чувства (а так хотелось!), я готова была променять на эту ее тайну, этот флер, умение обратить на себя внимание, сыграть ту, кого хочется, или стать той, кем хочется. Но раз уж она считает, что я честна, значит, пришло время признаться:

— А мне нравится, что ты идеальная.

Я думала, что она улыбнется, порадуется, кокетливо поблагодарит, но она нахмурилась:

— Не нужно никого идеализировать, Саша. Особенно тех, кого ты видишь впервые в жизни. У тебя еще будет, надеюсь, время узнать меня получше. И тогда ты поймешь, что на самом деле я человек без души и сердца.

Она рассмеялась, дав понять, что шутит, затем откинула пряди рыжих волос с лица так легко и непринужденно, но в то же время так эстетично, словно прямо сейчас снимается в рекламе французского парфюма.

— Нет, — замотала я головой, — ну нет же, оглянись, на тебя все вокруг смотрят, ты всем нравишься!

— А кто тебе сказал, что людям нравятся идеальные? Им нравятся испорченные. Такие, о которых говорят: посмотрите на него, он такой неправильный, такой поломанный, но даже ему удастся как-то держаться на плаву, значит, и я смогу.

«Надо же, — подумала я, — если она считает себя поломанной, что уж говорить обо мне».

Кажется, я начинала понимать, почему она обратила на меня внимание. Сегодня ей тоже было очень одиноко, даже среди многочисленных друзей. В конце концов, все равно, каким образом она оказалась одна в том баре, где мы встретились. Неважно, что это было: настоящее одиночество или легкая августовская скука. Главное во всем этом, что она позволила мне оказаться с ней рядом.

Почему-то я вспомнила, как пару лет назад у нас с матерью случился задушевный разговор. Был зимний вечер. Снаружи было чертовски холодно, а в комнате воздух теплый и тугой, как пастила. Сначала мы смотрели кино, а потом вдруг разговорились, что случалось редко. В этой беседе я неожиданно открылась и перестала бояться, что сейчас она оборвет меня или накажет. Я призналась ей впервые в жизни о том, что, как мне кажется, я недостаточно нравлюсь ей. По правде говоря, я думала, что совсем не нравлюсь ей, но испугалась это произнести вслух. Она удивилась, начала меня — почти ласково — переубеждать, говоря, какая я замечательная. Я была готова броситься к ее ногам, ластиться как маленькая собачонка, принимать на веру каждое ее слово. Я сползла на пол с дивана к материнскому креслу и положила голову ей на колени. А она перебирала мне волосы, и казалось, что нет большего счастья, чем находиться всегда рядом с ней, о чем я мечтала все детство.

— Ну все, все, — оборвала она нашу идиллию, — пора идти спать.

— Нет, — игриво закапризничала я, — нет, я хочу так сидеть еще и еще.

— Саша, мне рано вставать на работу.

Ее голос стал чуть суше, и я сразу это почувствовала, но не захотела принимать, что сейчас она может вернуться обратно к своему привычному тону. Разве я не завоевала ее?

— Нет! — твердо ответила я, решив идти до конца. — Мы будем сидеть тут всю ночь! А потом и весь день! Пока смерть не разлучит нас.

Мне казалось, она услышит мою шутку, рассмеется, смягчится и снова станет такой, какой была последний час. Но она лишь резко встала, оттолкнув мою голову и отряхнув платье, словно я и правда

была собачонкой, маленькой бездомной плешивой и вонючей собачонкой.

— Господи, как же ты меня достала! — только и сказала она, даже не взглянув в мою сторону, и вышла из комнаты.

Я продолжала неподвижно сидеть на полу у кресла, пока не ощутила, как что-то теплое капает мне на грудь. Видимо, когда она оттолкнула меня, я ударилась носом о подлокотник, но даже не обратила на это внимания. Мне было совсем не больно. Ни чуточки не больно по сравнению с ощущением того, что я достала ее, с тем, что я совершенно ей не нужна и что никак не могу это исправить. Волшебство этого невероятного вечера было вдребезги разбито. Я сидела вся в его осколках и в осколках своих чувств, жалкая, грязная, ненужная, и кровь стекала на мою футболку, а по лицу неумолимо бежали слезы. Наконец я нашла в себе силы встать и пойти в ванную умыться. Когда я вышла оттуда, в квартире было темно. Я осторожно подошла к полуоткрытой двери спальни родителей и услышала доносившееся изнутри ровное шумное дыхание спящей матери. С ней все было в порядке. Она спокойно спала. Это со мной было что-то не так.

Это должно было меня хоть чему-то научить, я думаю. Например, никому не класть голову на колени. Никому не признаваться в своих страхах. Никому не доверять. Ведь если твоя мать — женщина, которая носила тебя в себе девять месяцев, кормила грудью, купала, нюхала твою макушку, расчесывала волосы, стригла крохотные ноготочки на коротких пальчиках, — не смогла увидеть в тебе то, что могло бы ей понравиться, если даже она, пропитанная окситоцином с ног до головы, не сумела полюбить тебя, признать самой лучшей, самой красивой и самой умной на свете, то почему это должно быть под силу другим людям? Но я продолжала искать этих других людей. Я не теряла надежды.

Глава 3

В младшей школе я всегда выбирала самую красивую и популярную девочку в классе и приклеивалась к ней. Сначала та отвечала мне взаимностью. Ей импонировала моя доброта, готовность в любой момент выслушать ее проблемы и переживания и оказать поддержку — от моральной до физической. Я писала рефераты за своих подруг, приходила пораньше в школу, чтобы они успевали списать у меня домашнее задание до начала урока. Я делилась с ними всем, что у меня было: знаниями, деньгами, едой, красивыми ручками и тетрадями. Мне ничего не было жалко для моей очередной новой лучшей подруги. Мы клялись друг другу в вечной дружбе, красиво заполняли анкеты для друзей, шептались на переменах, делились всеми секретами.

Но проходил месяц-другой, и моя пассия вдруг остывала ко мне. Я начинала ее раздражать. Все чаще она перебивала меня, одергивала или ставила на место. Ей, вчера еще самой доброй, самой ласковой и понимающей, больше не составляло труда презрительно пройтись по моей внешности, зло пошутить перед всеми по поводу того, что «у Сашки глаза всегда на мокром месте». И в такие моменты я действительно не могла ничего сделать с подкатывающим к горлу комом и с предательски накатывающими слезами.

Спустя некоторое время оказывалось, что моей лучшей подруге гораздо интереснее делиться всем с другой одноклассницей, причем мне в этой новообразовавшейся компании не находилось места. Меня не звали ни на прогулки, ни в кино, мне больше не доверяли шепотом последние сплетни, и все мои попытки вернуть благосклонность подруги заканчивались провалом: я еще больше начинала вызывать в ней презрение вперемешку с отвращением. Одна из них как-то сказала мне, что я воспринимаю дружбу так, словно мы не дружим, а встречаемся, словно я ей не подруга, а ее парень: ревную, хочу единолично обладать ее вниманием, не терплю присутствия кого-то еще, требую полностью посвящать исключительно мне все свое свободное время.

«Подумай, — язвительно заключила она, — может, ты вообще того... по девушкам, а?»

Тогда я впервые задумалась. Я ведь действительно очень болезненно воспринимала отношение ко мне своих подруг, словно была влюблена в них. Но я знала точно: в этом не было физического влечения, увы. Увы, потому, что если бы это было так, то, возможно, я могла бы претендовать в этих отношениях на эксклюзивность. Тогда это было бы не то чтобы правильно, но по крайней мере логично. Но нет. Я привязывалась к ним точно так — и я это осознавала, — как была всю жизнь привязана к матери, в ожидании подачек от нее. Я и выбирала таких, как она: ярких, дерзких, независимых. И первые дни, а если повезет, то и недели нашей дружбы я была ослепительно счастлива, что до меня снизошли. Что мне позволяют быть рядом, любить, восхищаться, превозносить, выслушивать, делать подарки, дарить всю себя целиком.

И каждый раз у этой истории был одинаковый конец: я сижу на последней парте, смотрю в спину той, которая еще вчера в анкету для друзей вписывала красивым почерком «друзья навсегда», и понимаю, что больше не существую для нее. Со временем я просто перестала заводить подруг. Я перестала надеяться, что кому-то понравлюсь. Мне стало гораздо легче проводить время одной. Меня стали считать нелюдимой, замкнутой, даже высокомерной. А я не была против.

Вот и сейчас со мной могло повториться то же самое, что повторялось год за годом в школе. Я влюблюсь в эту прекрасную, кажущуюся мне идеальной Тину и начну отдавать ей всю себя пригоршнями, вычерпывать для нее половниками всю себя до дна, чтобы показать, что я готова служить ей до конца ее дней, лишь бы она не прогоняла меня, лишь бы не швыряла меня лицом о подлокотник, лишь бы не искала более привлекательную замену своей новой подруге.

И я снова останусь одна.

Я не хотела, чтобы это повторилось. Вовсе не потому, что устала собирать себя по кусочкам, нет. У этого нежелания были две причины. Первая — злость. Моя мать ушла от меня, и я окончательно признала свою несостоятельность как дочери для собственной матери. А также и как друга, который рано или поздно начинает надоедать. Я злилась на себя, что раз за разом прохожу один и тот же сценарий, не желая

признавать очевидное: никто не полюбит меня за то, что я ему прислуживаю.

Вторая причина — сама Тина. Что-то было в ней такое особенное, что, хоть и напомнило мне мой предыдущий опыт дружбы с женщинами, сильно отличало ее от всех них. Она была мудрее, чем каждая из глупых одноклассниц, за которых я делала домашку. Красивее, чем любая из них. Я видела: ей вовсе не нужно, чтобы я ей поклонялась, тешила ее самолюбие и исполняла ее желания. Я просто нравилась ей — вот почему она со мной. Все еще непонятно, по какой причине и как надолго, но я нравилась ей. Такая как есть. Я еще ничего не сделала для нее, кроме пары незначительных комплиментов. Я еще не выслушивала ее душевных исповедей, не вытирала ее слез, не убеждала, что она самая лучшая и самая красивая девушка на свете, но я уже нравилась ей. И это было удивительно приятно.

Тогда я впервые подумала, что, возможно, это все по-настоящему, всерьез. «Возможно, в этот раз, — мечтала я, — я смогу сделать все по-другому, и она останется со мной, останется моим другом, моей спутницей, моим вдохновением. Возможно, она научит меня вот так же, как умеет только она, понимать саму себя и нравиться самой себе».

Таким был день, когда я потеряла мать и нашла подругу. Я не придавала особого значения этому совпадению. Не увидела в нем ни перста судьбы, ни предзнаменования, ни закономерности. А ведь все это было.

Мы сидели с чужими мне людьми в углу шумного бара с высокими потолками, зеркальными стенами и стойким запахом табака. Я чувствовала, что здесь нет никому ни до кого по-настоящему никакого дела. Все, кто пришли сюда, на самом деле просто не знали, куда бы еще пойти. И, возможно, там Тина заговорила со мной просто потому, что ей не с кем было говорить, а сюда приехала, потому что ей больше некуда было ехать. Но она взяла меня с собой, и это изменило во мне все.

Мы разговаривали, и я чувствовала, что теперь, в эти ближайшие минуты, часы, а если повезет, то и на всю жизнь, мы есть друг у друга. И когда наконец толпа начала редеть, а музыка стихать и кто-то приоткрыл окно, чтобы проветрить бар, только тогда я заметила, что за окном начало светать. Тина тихонько зевнула, стеснительно прикрыв ладонью рот. Я поняла, что нам пора собираться и разъезжаться по

домам, но все, что мне хотелось ей сказать, было лишь: «Давай не будем уходить».

Но это, конечно, было бы очень глупо, странно и навязчиво, а я не хотела быть навязчивой. Не в этот раз, нет, теперь я ничего не испорчу. Поэтому я просто спросила ее, увидимся ли мы снова. И она радостно кивнула в ответ. Мы обменялись телефонами, вызвали одно на двоих такси и сели рядом на заднее сиденье так, словно мы давно дружим и уже в сотый раз вот так берем одно такси на двоих, чтобы завезти домой сначала меня, а затем ее.

«Боже мой, — думала я, — это лучший день рождения в моей жизни!»

Когда мы подъехали к моему дому, Тина проснулась, встрепенулась и суетливо чмокнула меня в щеку:

— С днем рождения! С меня подарок, помнишь?

— Ты сама как подарок, — ответила я.

Я была абсолютно счастлива в этот миг. И абсолютно несчастна. Потому что как только я вышла из такси и дверь машины захлопнулась, Тина уехала, и мне показалось, что я больше никогда ее не увижу. Все, конец моей деньрожденческой сказки. Я поднялась в квартиру, разделась в коридоре, стараясь не шуметь и не разбудить отца. Было пять утра. Я прошла к себе в комнату, рухнула на кровать и уснула, кажется, мгновенно. Мне снилась мама: я сидела в кресле, а она — у меня в ногах; я гладила ее по волосам, но вдруг невероятная злость накатила на меня — я взяла ее за волосы и хотела отшвырнуть от себя, но неожиданно поняла, что это не мама, а Тина и волосы в моих руках — рыжая копна ее кудрей.

Глава 4

Я проснулась в полдень. Голова раскальвалась так, словно я вчера выпила несчетное количество коктейлей, а не пару бокалов вина. Отец ушел на работу, а я бродила по нашей огромной квартире, разглядывала все наши вещи, бóльшую часть из которых покупала мать, и не могла представить, как мы будем жить тут вдвоем: в доме, который напоминал теперь мамин музей. Как мы можем есть за столом, устланным этой скатертью, выбранной ею, кто будет сидеть в ее любимом кресле, кто будет менять цветы в вазах вместо нее и поправлять гардины в гостиной? Везде были ее фотографии, книги, ее корзина для рукоделия, ее запах, отпечатки пальцев, чешуйки отмершей кожи — вся ее жизнь, в которой она убивала меня своей нелюбовью и в которой я, похоже, так же убивала ее, требуя от нее любви. Как продолжать жить в этом склепе, когда человек не умер, а просто ушел, унеся с собой только самое необходимое ему, а вот это все — свидетельства многолетней жизни со мной и моим отцом — оставил нам? Если ей самой было тошно вспоминать об этих годах, каково должно быть нам, брошенным, опостылевшим или нелюбимым вообще?

Я пошла на кухню и достала из-под раковины мешки для мусора, большие, плотные, черные, словно для человеческих останков, а не вещей. Мне захотелось избавиться от ее следов прямо сейчас, в эту секунду. Все летело в мусор: неоконченная вышивка, подаренные ей на работе глупые статуэтки, ее большая фотография на стене — на ней она улыбалась, выглядела такой молодой и счастливой, словно не я сидела у нее на коленях, а другой, прекрасный и любимый ею ребенок.

Я складывала в пакеты все, что попадалось на глаза, до чего дотягивались руки, — все, что умещалось в мешок и при этом могло напоминать о ней. Но беда была в том, что о ней мне напоминало абсолютно все: эти стены, эта мебель, этот дом, улица, город, планета. Вся моя жизнь напоминала о ней, потому что она была моей матерью, и это единственное, от чего я никак не могла избавиться. И я все еще по-прежнему любила ее и тосковала. Если бы она сейчас вдруг позвонила в дверь, я бы бросилась к ней на шею и пообещала ей все на

свете: быть самой хорошей, самой послушной, самой милой дочерью — все, пусть только она останется со мной.

«Пожалуйста, мама, — молила бы я, — что тебе стоит, посмотри на меня, я же твой ребенок, что-то же во мне должно напоминать тебе о том, что я твоя плоть и кровь. Чего-то же во мне должно быть достаточно, чтобы тебе захотелось обнять меня и не отпускать от себя больше никогда».

Я вынесла мешок в коридор, захлебываясь одновременно жалостью и отвращением к себе. Теперь, когда матери не было рядом, кто-то должен играть ее роль отталкивающего игрока. Кто-то должен был вместо нее напоминать мне, какая я слабая и омерзительная. В конце концов, за семнадцать лет я успела привыкнуть к этому осуждающему меня тону. Только теперь вместо матери я хлестала им себя сама.

Я вернулась на кухню, приготовила завтрак, включила телевизор и в оцепенении добрых два часа переключала каналы. Когда зазвонил мобильный, я даже не сразу сообразила, что это — рингтон моего собственного телефона. И уж тем более не ожидала увидеть на экране ЕЕ имя.

— Привет, — улыбнулась я в трубку.

У меня было ощущение, что я два часа находилась под водой и вдруг вынырнула, а тут, наверху, ослепительно ярко. Сердце забилося так, словно вот-вот взорвется и я задохнусь.

— Привет, — защебетала она в ответ, — я тебя не разбудила? А что ты делаешь? Пошли в кино на «Королевство полной луны»? Это новый фильм Уэса Андерсона, ты его еще не видела?

Она задавала вопросы, не дожидаясь моего ответа. Словно была уверена, что я свободна для нее в любой момент и готова пойти, куда она пожелает. Не могу сказать, что она сильно ошибалась. Конечно, я согласилась и понеслась скорее в душ собираться.

Уже у себя в комнате, с мокрыми волосами, прыгая на одной ноге, натягивая штаны, я заметила свое отражение в зеркале и замерла. Не то чтобы я никогда не видела себя полуголой, но в тот миг я взглянула на себя как-то по-новому. Будто у меня началась другая жизнь и я теперь в ней тоже другая. Невысокая, узкоплечая, с широкими полноватыми бедрами, тонкими руками и маленькой грудью.

В детстве я переживала, что некрасивая, на что мама снисходительно отмечала: «Ничего страшного, зато ты пропорциональная». Я еще больше заливалась слезами, переполненная обидой. Мне хотелось, чтобы она начала переубеждать меня, посадила к себе на колени и стала щебетать свои материнские успокоительные неправды. «Санечка, — сказала бы она, — у тебя самый красивый нос на свете, у тебя самые большие на свете глаза, самые длинные ресницы, самые сладкие ямочки на щеках». Но ничего такого она не говорила, а со временем и вовсе стала недовольно и зло отмахиваться от моего нытья. Она сдерживала себя все реже, а все чаще летели в мой адрес иголки ее замечаний: «ты опять поправилась?», «тебе не идут такие брюки, они для тех, у кого длинные ноги», «с твоим лицом нужно носить другую прическу, чтобы не выглядеть глупой». Я быстро привыкла смотреть на себя ее глазами. Но сейчас в зеркале я увидела кого-то другого — я увидела юную девушку, маленькую и гармонично сложенную.

Я с удивлением выпрямилась, чтобы рассмотреть себя внимательнее: молодая упругая кожа, длинные густые волосы, темные ресницы и брови, эффектно контрастирующие с цветом волос. Это было похоже на наваждение, словно я, немного пьяная, смотрела на себя, взъерошенную, полуодетую и растерянную, и нравилась себе. Впервые в жизни, пусть всего несколько секунд, я казалась себе красивой.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ